

Глава 17. Неужели он действительно влюбится в Цзян Жаня только потому, что тот несколько раз назовёт его мужем?

Лу Сюй редко оказывался настолько беспомощным, что буквально не находил слов. На какое-то время он просто онемел.

Он подумал, что у этого маленького мошенника и правда толстая кожа.

Так он, оказывается, знал, что Лу Сюю не нравится, когда его всё время называют мужем?!

И всё равно, не обращая внимания ни на его отказ, ни на исправления, без конца тараторил: «муж», «муж», «муж»... Не слушается. И правда напрашивается на взбучку!

Он слегка стиснул зубы и приподнял взгляд, чтобы проверить.

За каких-то несколько дней он уже неоднократно попадал в подобные нелепые ситуации. Лу Сюй одновременно не понимал, что с ним происходит, и чувствовал, как лицо горит от смущения.

К счастью, напряжение было не слишком сильным и полностью не поднялось.

Наверное, его просто слегка возбудили эти бесстыдные, непристойные слова маленького мошенника. Ничего страшного, скоро само спадёт.

Мысли Лу Сюя поневоле разбрелись в стороны, и он подумал: хорошо ещё, что Цзян Жань не его младший брат.

Иначе с его этой приставучей манерой прикидываться дурачком, будь он и правда его братом, справиться с ним было бы, наверное, ещё труднее, чем с Лу Минхуэем. Не оттолкнёшь, не прикрикнёшь — стоит напугать, как он тут же превращается в оцепеневшего, притворно мёртвого кролика, заставляя всех думать, будто Лу Сюй с ним что-то сделал, и подставляя его под пересуды.

С таким мягким, совершенно неподатливым комком теста, который невозможно как следует проучить, наверное, помогло бы только снять с него штаны и хорошенько отшлёпать, чтобы выбить дурь.

Лу Сюй и правда когда-то порол Лу Минхуэя.

Тот парень был не чист на руку и ещё осмеливался выставляться перед ним. Лу Сюй тут же снял ремень и отхлестал его как следует. Лу Минхуэй ревел, звал папу с мамой, сопли и слёзы текли ручьём, а зрелище было совершенно лишено всякой эстетики. Поначалу Лу Сюй собирался просто преподать ему урок и на этом закончить, но смотреть на это оказалось слишком неприятно для глаз, и в итоге он колошматил его целых полчаса.

В семье Лу никто не осмеливался остановить Лу Сюя.

После этого Лу Минхуэй больше полугода вёл себя тихо и смирно и не осмеливался снова его провоцировать.

Мысли Лу Сюя слегка дрогнули. Он открыл альбом и нашёл сохранённую фотографию Цзян Жаня из его ленты.

Чёрные ресницы опущены, тёмные глаза неподвижно смотрят на красивого юношу на фотографии.

У маленького мошенника была поразительно обманчивая внешность.

Белое лицо, мягкие чёрные волосы, светлые прозрачные глаза, из-за которых казалось, будто в них особенно много влаги, — сияющие, послушные, чистые. Совершенно невозможно было догадаться, насколько распушенным он был внутри.

Маленький мошенник выглядел как избалованный красивый мальчишка, которого с детства носили на руках, совсем не такой грубый и живучий, как Лу Минхуэй.

Ремень ему точно не подойдёт. Возможно, придётся использовать руку.

Чёрные глаза мужчины потемнели.

В голове уже возникла целая картина.

Этот красивый юноша, не знающий страха, оказывается прижат к чужим ногам и испуганно мягким голосом непрерывно просит пощады, но это бесполезно. Большая ладонь крепко цепляется за край и одним движением стягивает одежду, мягкая белая округлость жалобно вздрагивает в воздухе, словно пытаясь вызвать сочувствие.

Но мужчина лишь холодно смотрит на него без малейшей жалости и с силой обрушивает ладонь на подрагивающий рисовый пудинг, превращая жемчужно-белую кожу в багровую и заставляя слёзы, застывшие в глазах юноши, пролиться. Жалкий вид заставляет сердце смягчиться, а тело — затвердеть.

Горячая кожа, стоило ладони приблизиться, тут же начинала покорно лстить и заискивать; едва рука Лу Сюя приближалась, она словно пыталась прильнуть к ней тёплым, мягким прикосновением, надеясь, что наказание превратится в ласку. А когда ладонь отрывалась от плоти, казалось, что даже в воздухе раздаётся едва слышное «чпок».

Такой послушный и такой распушенный...

Лу Сюй резко пришёл в себя. Шея уже взмокла от пота.

Он сглотнул и медленно опустил взгляд.

Лу Сюй: «.....»

Напряжение незаметно достигло девяноста процентов — уже до болезненной степени, вытянувшись почти вплотную к прессу.

Лу Сюй закрыл глаза.

Наверное, из-за того, что он довольно долго не отвечал, маленький мошенник начал писать ему, поторапливая и провоцируя.

[Цзян Жань: Муж? Ты уснул?]

Подбородок Лу Сюя напрягся, и он едва не рассмеялся.

Ещё спрашивает. Он ведь как раз из-за него проснулся.

[LX: Спасибо, что напомнил. Тогда я повторю ещё раз.]

[LX: Я не твой муж. Больше так меня не называй.]

Вопреки жару собственного тела лицо Лу Сюя оставалось ледяным, а в словах отчётливо слышались неприятие и едва уловимая обида.

[LX: Ты когда-нибудь видел, чтобы мужа оставляли без внимания больше десяти часов?]

В наше время почти у каждого в той или иной степени зависимость от телефона.

Даже если нет, работа и учёба всё равно не обходятся без телефона, как, например, у самого Лу Сюя. Поэтому он совершенно не верил, что кто-то способен больше десяти часов подряд — с обеда и до сна глубокой ночью — ни разу не взглянуть на телефон.

Совершенно очевидно, что маленький мошенник просто выбросил его из головы и вспомнил о нём только тогда, когда тот ему понадобился.

Цзян Жань поперхнулся, почувствовав себя виноватым.

Но ведь... его краш не умеет рисовать, как ему было объяснить?!

Если сказать, что он увлёкся домашним заданием и вошёл в состояние потока, это прозвучит ещё больше как ложь. Такая тема могла только испортить отношения, поэтому Цзян Жань поспешно сменил тему и перевёл стрелки.

[Цзян Жань: Но ты же сказал, что не злишься?]

Сам же краш сказал, что он не настолько инфантильный. Так почему теперь ещё и старые счёты припоминает?

Лу Сюй: «.....»

Отправив сообщение, Цзян Жань и сам немного удивился.

Впервые он разговаривал с кем-то таким немного капризно-раздражённым тоном. Это было почти как... кокетничать с собственным парнем. У него медленно покраснели кончики ушей.

Раньше такое было невозможно.

Цзян Жань был немного из тех, кто привык угождать другим. В интернете он позволял себе больше, чем в жизни, но всё равно оставался очень робким: стоило ему проиграть спор, как он молча исчезал и замолкал. Никогда не огрызался в ответ.

Наверное, LX слишком сильно его баловал, а ещё от него исходило врождённое чувство зрелости, надёжности и снисходительности старшего. Из-за этого Цзян Жань незаметно расслабился. Будто вместо настороженного состояния, когда уши постоянно прижаты к голове, он постепенно превратился в озорного котёнка, который уже начинает выпускать коготки и заигрывать.

Эта перемена была непривычной, но Цзян Жань вовсе не чувствовал ни страха, ни неприязни.

Он поджал губы и улыбнулся. На щеке юноши появилась ямочка, которая возникала только тогда, когда он был по-настоящему счастлив.

[Цзянь Жань: Муж, у тебя и правда очень скверный характер.]

Лу Сюй: «.»

Его лицо тут же потемнело, а жевательные мышцы слегка напряглись.

Это мнение Лу Сюй слышал не впервые.

Особенно после того, как он вышел из-под контроля, Лу Цзинвэй часто именно так ругал его, но Лу Сюй всегда пропускал это мимо ушей.

Никогда прежде подобные слова не вызывали в нём такой сильной злобы, поднимающейся прямо из глубины души.

Раздражённая тяжесть окутала его сердце, отчего уголки глаз слегка покраснели.

Да, характер у него скверный.

И что с того? У него были основания позволять себе скверный характер.

К тому же, если бы маленький мошенник сам не полез к нему, он бы не потерял контроль до такой нелепой степени, не раздулся бы почти чудовищно.

Он ещё и Цзянь Жаня не удалил — уже само по себе свидетельство того, что характер у него достаточно хороший.

На экране показывалось, что собеседник печатает. Лу Сюй поджал губы и молча, холодно ждал очередного обвинения.

По его опыту, следующими словами маленького мошенника должны были стать примерно такие:

«Ты ведёшь себя ужасно, это раздражает людей. Надеюсь, ты исправишься».

«Почему ты выплёскиваешь эмоции на родных, а с клиентами такой вежливый? Не устаёшь жить настолько лицемерно?»

«Я это говорю ради твоего блага. Кроме семьи, кто вообще станет терпеть тебя таким?»

Но именно такому лицемерному образу жизни он научился у них, а теперь они ещё и упрекали его в отсутствии человеческого тепла, утверждая, что он не заслуживает искренности других.

Впрочем, в их словах была своя логика.

Они знакомы с маленьким мошенником всего ничего, а тот уже сумел почувствовать бурлящую под внешней оболочкой жестокость.

Телефон завибрировал, и появилось новое сообщение.

[Цзянь Жань: Муж, у тебя и правда очень скверный характер.]

[Цзянь Жань: Но мне даже это в тебе нравится.]

Лу Сюй замер. В груди совершенно неожиданно поднялось покалывание, похожее на удар

током.

На спокойном, сдержанном красивом лице мужчины появилось растерянное выражение, и привычная пронизательность словно исчезла. Он застыл, будто потерял способность соображать.

Сердце снова забилося в беспорядочном ритме, обжигая жаром, а горло без причины пересохло.

Лу Суй тихо кашлянул, словно пытаясь отогнать странное ощущение, но вместо этого из его горла вырвался неожиданно низкий, едва слышный стон, а болезненно напряжённое место забилося ещё сильнее.

После этих слов, которые звучали почти как признание, Цзян Жань от волнения моментально покраснел.

Он лёг на спину на диване, схватил подушку и уткнулся в неё пылающими щеками, смущённо потёрся о неё, а жар постепенно распространился от лица к шее.

Э-это же слишком смело...

Неужели краш подумает, что он... слишком распушенный?

Но Цзян Жань всё-таки это сделал.

Разве LX сам его не учил?

Это он велел ему больше тренироваться выражать свои чувства. И он ведь очень старался слушаться.

Пусть он и не очень умный, зато хорошим учеником он будет.

Цзян Жань убрал подушку. Взъерошенная чёлка торчала мягким пушистым облачком, а открывшаяся из-за этого грудь покрылась лёгким румянцем, алые губы приоткрылись, словно ему не хватало воздуха.

Сконцентрированные до предела эмоции сталкивались в груди, отчего взгляд Цзян Жаня стал туманным, влажным и сияющим.

Как же сильно он любит LX...

Почему в этом странном способе знакомства через интернет нигде не написано, сколько нужно называть его мужем, чтобы они наконец стали парой?

Он так торопится. Когда же муж действительно станет его мужем?

Из-за чрезмерного смущения голова Цзян Жаня немного кружилась и словно зависла, да и состояние уже не позволяло продолжать разговаривать с крашем. Поэтому он поспешно схватил телефон и быстро напечатал:

[Цзян Жань: Я так хочу спать, пойду сначала спать.]

[Цзян Жань: Муж, спокойной ночи~]

Сказав это, он поколебался, а потом всё-таки медленно поднёс телефон к губам, слегка выпятил мягкие губы и чмокнул рядом с микрофоном.

А затем тут же отбросил телефон, словно это была бомба.

Цзян Жань часто и тихо задышал, застенчиво прикусив нижнюю губу.

...Это был уже не смайлик. Это настоящий поцелуй его мужу.

Чувство счастья стало настолько переполненным, что ему срочно требовалось найти выход.

Только что он от смущения крутился на диване, и свободная пижама успела сбиться. Цзян Жань слегка задержал дыхание, тонкие длинные пальцы цвета белого нефрита скользнули под край пижамы.

На теле Цзян Жаня проступал тонкий слой мышц, мягкий на ощупь. Выше проходила слегка вогнутая вертикальная линия пупка, кожа была гладкой и горячей.

Юноша прищурился, провёл пальцами по одной стороне, и из его носа вырвался липкий, протяжный стон.

Руки Цзян Жаня были очень красивыми: белая кожа, нежно-розовые подушечки пальцев — настолько изящные, что ими можно было работать моделью для рекламы рук.

Лишь на первых фалангах, которыми он постоянно держал кисть, имелись небольшие мозоли. Эта рука сейчас находилась внизу.

Цзян Жань закрыл глаза. Перед ними расплывались бесформенные цветочные пятна, поясница почти обмякла, словно превратившись в лужицу воды, а влажные чёрные глаза на мгновение потеряли фокус.

— Ха...

Цзян Жань торопливо задышал, влажная щека выглядела особенно ярко.

Кажется... всё ещё недостаточно.

Его собственная ладонь была слишком гладкой. Если бы это была более крупная, более грубая рука, наверное, ощущения были бы ещё... сильнее, заставляя его тщетно двигаться между болью и удовольствием.

.....

Лу Сюй застыл всем телом.

Он неотрывно смотрел на голосовое сообщение, которое прислал Цзян Жань, но не решался его открыть.

Кто знает, какую пошлость маленький мошенник сейчас наговорил.

Так что же, теперь ему вообще не спать?

Он так просидел целую минуту, но в конце концов всё-таки уступил любопытству.

В конце концов, голосовое было всего на одну секунду. Даже если маленький мошенник был совершенно безудержен, за одну секунду далеко не разгуляешься.

На всякий случай Лу Сюй убавил громкость почти до одного деления, отодвинул телефон подальше и только потом лёгким нажатием запустил воспроизведение.

На экране двигалась волна динамика, но ничего слышно не было.

Слишком тихо.

Неужели он случайно нажал не туда?

Лу Сюй нахмурился.

Он немного успокоился, прибавил громкость на несколько делений и на этот раз, запустив воспроизведение, поднёс ухо ближе.

— «Чмок».

Влажный, слегка липкий звук поцелуя потёк в его ухо, словно неуловимый поток воды, прямо в незащитное сердце.

Лу Сюй замер и даже перестал дышать. Остался лишь громкий грохот сердца, возмущённо протестующего против столь внезапной атаки.

Цзян Жань тайком его поцеловал.

Ему уже сказали, что он не муж, а этот парень всё равно осмелился настолько распоясаться, чтобы поцеловать его без разрешения.

Лу Сюй в ужасе почувствовал, как внизу живота резко вздулись вены.

Так больно, что даже выступили слёзы.

Лу Сюй был совершенно выбит из равновесия и словно неосознанно снова включил голосовое сообщение Цзян Жана.

Оно снова заставило его задрожать.

Лу Сюй: «.....»

Нет. Нельзя из-за этого упрямства продолжать запутываться с Цзян Жанем.

Завтра он обязательно всё ему объяснит, а потом удалит его.

И вернёт свою жизнь в нормальное русло.

Его изначально спокойный порядок был разрушен до неузнаваемости — прямо как нынешнее странное состояние его тела, настолько мутное, что даже смотреть было невозможно.

Наверное, просто его слишком аскетичная жизнь позволила Цзян Жаню найти лазейку.

В конце концов, всё это из-за сексуального подавления.

Он и сам способен с этим справиться.

Все эти годы Лу Сюй жил один и не чувствовал себя одиноким. Он собирался продолжать так и дальше.

Лу Сюй стиснул зубы и опустил руку вниз.

Лу Сюй: «.....»

Опять приходится заниматься этой ненужной ерундой и тратить энергию.

В любом случае, неужели он и правда может влюбиться в Цзян Жаня только потому, что тот несколько раз назвал его мужем?

Он, Лу Сюй, не настолько дешёв.

Он никогда не делает того, что обесценивает его самого.

Примечание автора:

Жань-Жань: Сколько же нужно называть тебя мужем, чтобы ты наконец стал моим мужем?
[жалостливый взгляд]

Краш-гэ: Я совершенно точно не могу быть настолько дешёвым! (сквозь зубы) (без конца наставляет жену) Я и сам могу справиться. (сквозь зубы) (на повторе слушает голосовое жены)

Ох, ну вы... Может, хватит уже друг на друга наговаривать? [жёлтое сердце] [голова вислоухого кролика]

<http://bllate.org/book/20316/2040886>